

УДК 159.9.01

## С.Л. РУБИНШТЕЙН И П.Я. ГАЛЬПЕРИН: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ<sup>1</sup>

© 2019 г. М. А. Степанова

*МГУ им. М.В. Ломоносова;*

*119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Россия.*

*Кандидат психологических наук, доцент факультета психологии.*

*E-mail: marina.stepanova@list.ru*

Поступила 27.08.2017

*Аннотация.* Проведен историко-психологический анализ представлений об интериоризации ведущих советских психологов П.Я. Гальперина (1902–1988) и С.Л. Рубинштейна (1889–1960). Отправной точкой исследования выступили научно-биографические факты в деятельности ученых. Показана история развития научных взглядов П.Я. Гальперина на пути создания им теории поэтапного формирования умственных действий и понятий, приведена критическая оценка понимания интериоризации П.Я. Гальпериным с точки зрения С.Л. Рубинштейна. Материалом для историко-психологического анализа послужили тексты научных публикаций ученых, в том числе статьи в отечественной научной периодике, доклады и выступления на научных конференциях и совещаниях, монографии, отдельные записи научного архива. Основным методом исследования выступило обращение к первоисточникам с последующим сравнением высказываний ученых по вопросам, имеющим отношение к проблеме интериоризации. В результате исследования определено, что С.Л. Рубинштейн и П.Я. Гальперин подходили к интериоризации с разных сторон: С.Л. Рубинштейн — с методологической, а П.Я. Гальперин — с конкретно-психологической. Сделан вывод о том, что хотя эмпирическое изучение интериоризации П.Я. Гальпериным подтвердило верность его гипотезы, остается открытым вопрос, носят ли выделенные им закономерности всеобщий характер. Таким образом, проблема интериоризации сохраняет свою дискуссионную направленность.

*Ключевые слова:* интериоризация, концепция С.Л. Рубинштейна, теория (ТПФ) П.Я. Гальперина, история психологии, проблема деятельности в психологии, соотношение внешней и внутренней деятельности, принцип единства сознания и деятельности.

DOI: 10.31857/S020595920004059-0

*Мирозданье постигая,  
Все познай, не отбирая;  
Что внутри — во внешнем сыщешь;  
Что вовне — внутри отыщешь.*

И.В. Гете

В психологической науке вряд ли найдутся подходы и теории, появление которых сопровождалось бы единодушным их принятием как со стороны исследователей, так и со стороны практиков. Однако нельзя не признать, что если в адрес одних критика носит эпизодический и не ярко выраженный характер, то другие вызывают массу возражений и замечаний, причем поток последних со временем если и уменьшается, то незначительно. Невольно возникает вопрос: эти новые подходы действительно несостоятельны и потому уязвимы для

критики, или они притягивают к себе тем, что противоречат сложившимся научным представлениям, иначе говоря, не вписываются в академические рамки? Для каждого отдельного случая найдется свой конкретный ответ, но при этом не исключено, что верны обе версии, и несоответствие научным ожиданиям профессионального сообщества объясняется в первую очередь недостаточной обоснованностью выдвигаемых гипотез.

Примером теории, которая стала предметом пристального внимания ученых с момента своего возникновения — наверное, было бы не совсем справедливо назвать их недоброжелателями, хотя восторженные отклики терялись на фоне громких недовольных голосов, — является теория поэтапного формирования и умственных действий и понятий (ТПФ) П.Я. Гальперина. Изначально П.Я. Гальперин говорил даже не о новой теории, а всего лишь

<sup>1</sup> Статья приурочена к 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна.

о гипотезе формирования умственных действий (см., напр., [8]). В подготовленном к защите докторской диссертации докладе [11] он приводит *результаты исследований* по проблеме формирования умственных действий и понятий и обозначает программу *будущих исследований*. У оппонентов была возможность экспериментально опровергнуть выдвинутые П.Я. Гальпериным предположения, однако уже на этом раннем этапе его представления вызвали необоснованную, не подтвержденную эмпирическими данными критику. За прошедшие десятилетия мало что изменилось: ТПФ по-прежнему вызывает немало возражений, а развиваемый П.Я. Гальпериным подход сохраняет свой дискуссионный характер.

Специфическая особенность исследовательской позиции П.Я. Гальперина была подмечена В.П. Зинченко. П.Я. Гальперин, по мнению В.П. Зинченко, был мастером ограничений: его “как исследователя характеризовало счастливое качество — способность к самоограничению, — являющееся залогом успеха научной деятельности большого ученого... И такое самоограничение было вполне сознательным. П.Я. Гальперин распространял его как на себя, так и на психологию в целом” [15, с. 123]. В данном случае речь идет о том, что П.Я. Гальперин занимался углубленным изучением одного за счет отказа от другого, но такая односторонняя позиция разделяется далеко не всеми в научном сообществе. В.П. Зинченко продолжает: “ориентировка или ориентировочная деятельность действительно представляет собой важнейший предмет психологии, но — один из предметов...” [Там же].

Развиваемый П.Я. Гальпериным подход касался различных психологических проблем, среди которых далеко не последнее место занимают вопросы *интериоризации*. И, отмечая готовность П.Я. Гальперина к сознательному исследовательскому самоограничению, нельзя не сказать и о другом его аспекте — *отграничении* своего подхода от развиваемых другими психологами.

### С.Л. РУБИНШТЕЙН И П.Я. ГАЛЬПЕРИН: НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Впервые о своем научном подходе П.Я. Гальперин публично заявил в 1952 г., это был не доклад, а выступление в прениях — на состоявшемся в Президиуме АПН РСФСР Всесоюзном совещании по психологии (совещание по вопросам перестройки психологической науки на основе труда

Сталина по вопросам языкознания и в свете решений объединенной сессии АН СССР и АМН СССР). Интересно заметить, что уже тогда П.Я. Гальперин подчеркнул, что его подход имеет очень мало сторонников (правда, по причине недостаточной известности), но “...вопросы истины не решаются голосованием. Истина отображает объективную действительность, а действительность себя покажет и сумеет постоять за себя” [3, с. 99]. Слова оказались пророческими.

Спустя год, в июле 1953 г., П.Я. Гальперин выступил с докладом “Опыт изучения формирования умственных действий у школьников” на совещании по вопросам психологии [10]. Судя по архивным материалам, в эти годы научная позиция П.Я. Гальперина неоднократно обсуждалась на заседаниях кафедры психологии Московского университета. Например, в апреле 1954 г. П.Я. Гальперин подготовил выступление на тему “Экспериментальные исследования формирования психической деятельности” [7].

В 1955 г. П.Я. Гальперин принимал участие сразу в двух мероприятиях: в проходившей в мае юбилейной научной сессии, посвященной 200-летию Московского университета, и в июльском совещании по психологии.

В ходе Юбилейной научной сессии, проходившей 9–13 мая 1955 г., работало несколько научных секций, в том числе и секция психологии (в рамках секции философского факультета), представленная докладами М.В. Соколова, С.Л. Рубинштейна, Е.Н. Соколова, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурия и Н.А. Константинова. Выступление П.Я. Гальперина “О формировании умственных действий и понятий” [9] в рамках работы Юбилейной сессии относится к числу одного из первых его трудов по теории поэтапного формирования умственных действий и понятий.

В 1957 г. на страницах журнала “Вопросы психологии” увидела свет статья П.Я. Гальперина “Умственное действие как основа формирования мысли и образа” [14], положившая начало дискуссии, которая завершилась в 1960 г. обобщающей статьей П.Я. Гальперина в 4-м номере журнала “Вопросы психологии” [8]. В дискуссии приняли участие в качестве оппонентов П.Я. Гальперину Ю.А. Самарин, А.А. Люблинская, Н.А. Менчинская, Е.Н. Кабанова-Меллер, а в качестве его сторонников выступали Н.Ф. Талызина и Д.Б. Эльконин. С.Л. Рубинштейн своего мнения не высказывал, хотя как член редколлегии журнала наверняка был знаком с данной публикацией П.Я. Гальперина.

В этой статье П.Я. Гальперин предложил различать психологическое и непсихологическое содержание действия: предметное содержание действия само по себе не составляет предмета психологии, изучающей, каким образом оно становится содержанием того задания, на которое фактически ориентируется человек при его выполнении.

Также нельзя не упомянуть и о том, что в 1959 г. в первом томе академического издания “Психологическая наука в СССР” была опубликована фундаментальная статья П.Я. Гальперина “Развитие исследований по формированию умственных действий” [13]. Эта статья — первое обоснованное изложение гипотезы формирования умственных действий с подробным описанием этапов формирования и основных параметров действия. К этому времени под руководством П.Я. Гальперина уже начались экспериментальные исследования по формированию двигательного навыка начального письма (Н.С. Пантина), геометрических понятий (Н.Ф. Талызина), понятия числа (В.В. Давыдов), грамматических понятий (А.Н. Дубровина, М.Я. Микулинская), начальных математических понятий (Л.С. Георгиев) и др.

Основные труды П.Я. Гальперина увидели свет позже [2; 4–6; 11–12], однако в нашей науке довольно прочно утвердилось мнение о различии подходов П.Я. Гальперина и С.Л. Рубинштейна, и прежде всего по вопросу интериоризации. Критика носила односторонний характер и исходила от С.Л. Рубинштейна. Возникает закономерный вопрос: на какие выступления П.Я. Гальперина опирался С.Л. Рубинштейн?

Имя П.Я. Гальперина в работах С.Л. Рубинштейна встречается редко, что неудивительно, так как основные публикации П.Я. Гальперина увидели свет позже. Оценка понимания интериоризации П.Я. Гальпериним представлена в двух работах С.Л. Рубинштейна. Во-первых, это статья “Проблема сознания и деятельности в истории советской психологии”, которая вошла в прижизненный, увидевший свет в 1959 г. сборник научных трудов С.Л. Рубинштейна “Принципы и пути развития психологии”. Во-вторых, критика С.Л. Рубинштейна содержится в статье “Проблема способностей и вопросы психологической теории”, впервые опубликованной уже после смерти автора в 1960 г. в журнале “Вопросы психологии”. С.Л. Рубинштейн готовил выступление на I съезде Всесоюзного общества психологов, проходившем в Москве в 1959 г., однако по причине болезни доклад не состоялся. П.Я. Гальперин выступал на этом съезде с сообщением на тему “Основные типы учения”.

Характеризуя развитие отечественной психологической науки в 1950–1960-е годы, А.А. Смирнов к числу наиболее важных и широко разрабатываемых в то время проблем относит “воплощение в конкретных исследованиях принципа единства сознания и деятельности, активного характера отражения человеком объективной реальности” [19, с. 216], впервые обозначенного С.Л. Рубинштейном. Среди работ советских психологов, посвященных изучению принципа единства психики и деятельности, А.А. Смирнов называет цикл исследований П.Я. Гальперина и его сотрудников по формированию умственных действий, которые к тому времени получили критическую оценку со стороны К.А. Абульхановой-Славской — ученицы и последовательности С.Л. Рубинштейна.

Развернутое изложение теории П.Я. Гальперина получило отражение в работах 1960–1970-х годов. И, таким образом, С.Л. Рубинштейн не увидел ни ответа (которого именно в такой форме и не последовало) на сделанные им критические замечания, ни общепсихологическую концепцию П.Я. Гальперина. Тем не менее сегодня мы имеем возможность сравнить развиваемые им подходы, опираясь на доступные нам публикации.

## ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ: ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

*Целью* данной статьи выступает сравнительный анализ понимания С.Л. Рубинштейном и П.Я. Гальпериним процесса интериоризации и обнаружение общего и различного в рассмотрении как проблемы интериоризации, так и близких к ней проблем<sup>2</sup>.

Необходимо принять во внимание тот факт, что к 1960 г. научная позиция С.Л. Рубинштейна уже была им не только четко обозначена, но и хорошо известна, чего нельзя сказать о теории П.Я. Гальперина. Имеющая принципиальное значение при рассмотрении данного вопроса статья П.Я. Гальперина “К вопросу об интериоризации” появилась в “Вопросах психологии” в 1966 г.: это был юбилейный номер, приуроченный к 70-летию Л.С. Выготского, что недвусмысленно указывает на тематику материалов и невольное обращение к пред-

<sup>2</sup> Попытка сравнительного анализа взглядов С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина по вопросу интериоризации была принята нами в 1999 г. на Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна.

ставлениям Л.С. Выготского об интериоризации (вращивании).

Справедливости ради надо сказать, что за прошедшие с того времени полвека наши представления об интериоризации, хотя и обогатились новыми эмпирическими данными, но до сих пор не получили четкого теоретического оформления. И формулировка П.Я. Гальперина 1966 г., вынесенная в заголовок его статьи “К вопросу об интериоризации”, не потеряла своей актуальности: в силу того что проблема нуждается в тщательном изучении, ее статус не изменился — *к вопросу об интериоризации*.

В качестве исходного определения интериоризации можно принять определение, данное в Большом психологическом словаре.

*Интериоризация* (от лат. *interior* — внутренний; букв.: переход извне внутрь) — психологическое понятие, означающее формирование стабильных структурно-функциональных единиц сознания через усвоение внешних действий с предметами и овладение внешними знаковыми средствами (напр., формирование внутренней речи из внешней речи) [1, с. 206].

Прежде всего обратимся к работам С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина, что позволит получить оригинальное авторское видение обозначенной проблемы и исключить появляющиеся в случае вольного изложения искажения.

### ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Таким образом, в ходе сравнительного анализа представлений об интериоризации С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина выделены принципиальные вопросы, рассмотрение которых позволяет в конечном итоге сделать обоснованные выводы относительно соотношения подходов С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина. Основным методом исследования выступило обращение к первоисточникам с последующей интерпретацией отобранных цитат (см. таблицу). Такой способ сравнения научных позиций ученых был выбран неслучайно, поскольку он наилучшим образом отвечает требованию объективности при проведении историко-психологического исследования.

Результаты проведенного анализа могут быть представлены следующим образом.

*Первое.* Несмотря на то что к концу 1950-х годов теория П.Я. Гальперина находилась в стадии оформления в отличие от уже получившей в то время широкую известность среди советских психологов концепции С.Л. Рубинштейна, достаточно научных оснований для их сравнительного изучения. При этом если С.Л. Рубинштейн четко обозначил позиции П.Я. Гальперина, с которыми он не соглашался, то П.Я. Гальперин при жизни С.Л. Рубинштейна не выразил своего отношения к критике — это и позволяет говорить о том, что *дискуссия носит незавершенный характер*. Последующий в 1960–1970-е годы “ответ” П.Я. Гальперина представлял собой развернутое изложение понимания им приводящего к образованию психического (конкретно — нового действия) процесса интериоризации, а потому может быть рассмотрен как попытка противопоставления своей позиции взглядам С.Л. Рубинштейна лишь с достаточно большой мерой условности. Никаких специальных обращений к замечаниям С.Л. Рубинштейна по проблеме интериоризации в работах П.Я. Гальперина не встречается.

*Второе.* Предпринята попытка представить позиции С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина в оригинальном виде, однако предварить последующий анализ хотелось бы одним уточнением принципиального характера, поскольку научные позиции двух психологов по вопросу интериоризации имели не только содержательные, но и формальные отличия. Интериоризация выступила предметом специального изучения для П.Я. Гальперина, что позволило ему вплотную подойти к ответу на вопрос о происхождении и природе психики. С.Л. Рубинштейн прицельно вопросами интериоризации ни на экспериментальном, ни на теоретическом уровне не занимался.

Предпринятое П.Я. Гальпериним эмпирическое изучение интериоризации, с одной стороны, имело самостоятельное исследовательское значение, а с другой — было направлено на решение общепсихологических задач. Он писал: «... учение об интериоризации, об орудийном опосредовании, об определяющей роли внешней, “предметной”, осмысленной деятельности, — все это имело принципиальное значение лишь при условии, что за ними последует коренная перестройка представления о психике» [12, с. 259].

*Третье.* Можно предположить, что перед С.Л. Рубинштейном и П.Я. Гальпериним стояли *исследовательские задачи разного уровня*. С.Л. Рубинштейн рассматривал интериоризацию в связи с *методологическими* вопросами психологической науки: “Теория интериоризации, несомненно,

Таблица. Сравнительный анализ взглядов С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина<sup>3</sup>

С.Л. Рубинштейн	П.Я. Гальперин
1. Представление об интериоризации: истоки и современное состояние	
«Концепцию психической деятельности как интериоризации внешней деятельности у нас в последнее время представляют как “линию” Выготского. <...> Эта концепция представлена сейчас в советской психологии А.Н. Леонтьевым и его сотрудниками» <sup>4</sup> [17, с. 252–253]	“Интериоризация [в советской психологии — в 20–30-е годы] представлялась в виде транспортировки процесса из одной сферы в другую <...> Радикальное значение понятия об интериоризации, объективно в нем заложенное, оставалось потенциальным. И только новая линия генетического исследования, не возрастного, а функционального — формирование умственных действий и понятий, — восстановила это основное значение понятия об интериоризации, придав ему, естественно, и новое содержание” [4, с. 26]
2. Вклад Л.С. Выготского и его последователей в изучение интериоризации	
«К числу теорий, односторонне и потому неверно подчеркивающих роль внешних факторов, должна быть, по-моему, отнесена и получившая у нас в последнее время известное распространение теория, которая объявляет “интериоризацию” внешних действий основным “механизмом” умственного развития» [18, с. 220]	«Учение о формировании психической деятельности путем “врастания извне внутрь” было решающим шагом — оно прорывало бастионы учения об изначально “внутренней” природе психики...» [12, с. 258]. «Изучение поэтапного формирования умственных действий и понятий впервые раскрывает значение “перехода извне внутрь” как условия (но только условия!) преобразования непсихического явления в психическое» [4, с. 29]
3. Оценка понимания интериоризации П.Я. Гальпериним	3. Оценка теории интериоризации Л.С. Выготским
«Конкретным и “содержательным” выражением этой теории является утверждение, что материальное действие определяет состав умственного действия (П.Я. Гальперин), что умственное действие воспроизводит, как-то их видоизменяя, состав тех материальных действий, из которых оно происходит. В этом положении, которое придает определенность теории интериоризации, вместе с тем обнаруживается ее самая слабая сторона» [18, с. 220–221]	“Само утверждение Выготского: высшие психические функции сначала образуются как внешние формы деятельности и лишь потом, в результате интериоризации, становятся психическими процессами индивида, — не может не звучать как утверждение, что, по крайней мере в этом случае (высших психических функций), непсихическое превращается в психическое. Принципиальное значение этого очевидно: приоткрывается возможность преодолеть извечную пропасть между ними” [4, с. 25]. “Но высшие психические функции образуются только так, и в этом смысле Л.С. Выготский совершенно прав, может быть, даже больше, чем в свое время он имел возможность показать” [4, с. 29]
4. Содержание процесса интериоризации	
“Деятельность человека — это первично практическая деятельность. Лишь затем из нее выделяется теоретическая, вообще внутренняя умственная деятельность. Однако и практическая деятельность человека всегда заключает внутри себя психические компоненты, отражающие условия, в которых она совершается, и осуществляющие ее регуляцию. Переход от деятельности, осуществляемой во внешнем плане, к умственной деятельности, осуществляемой во внутреннем плане, имеет внутренним своим условием эволюцию психических компонентов практического действия — их растущую обобщенность, необходимую для выделения из практической деятельности — деятельности теоретической” [17, с. 251]. «При этом “интериоризация” — это не “механизм”, посредством которого осуществляется этот переход,	“...Психическая деятельность есть результат перенесения внешних материальных действий в план отражения — в план восприятия, представлений и понятий” [13, с. 446]. “...Умственный план — это не пустой сосуд, куда помещают некую вещь... процесс интериоризации — это и есть процесс образования внутреннего плана. Он совершается по-разному: вначале, когда умственный план только формируется (это, обычно, первый школьный возраст, время систематического формирования различных умственных действий), и потом, когда новое умственное действие образуется на основе сложившегося внутреннего плана и присоединяется к системе прежних умственных действий” [4, с. 28]

<sup>3</sup> В одной публикации не представляется возможным отразить все вопросы, по которым следовало бы сравнить подходы С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина; отражены имеющие непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме.

<sup>4</sup> Наиболее принципиально заостренное выражение она получила у П.Я. Гальперина. См.: Материалы совещания по психологии. Стенографический отчет // Известия Академии педагогических наук РСФСР. 1953. № 45. С. 93–99.

Продолжение таблицы

С.Л. Рубинштейн	П.Я. Гальперин
<p>а лишь его резуль­тативное выра­жение, характеристика на­правления, в котором идет этот процесс» [17, с. 254]. «При ин­териоризации речь идет не о возникновении психических процессов, психической деятельности из (только) внешней, (только) материальной, а о пере­ходе от одной формы деятельности к другой и от одной форм существования психических процессов (как ком­понентов внешней, практической деятельности) к дру­гой (как деятельности теоретической, умственной), пси­хических процессов одного уровня к психическим про­цессам другого высшего уровня и — и в связи с этим — от одной формы их существования к другой» [17, с. 254]</p>	
<b>5. Интериоризация: общие закономерности и возможные варианты</b>	
<p>«Неверно думать как то, что <i>всякое</i> умственное “дей­ствие” имеет свой прототип в материальном действии, так и то, что обязательным условием возникновения умственного действия является обращение к “соответ­ствующему” материальному действию, которое оно в умственном плане “воспроизводит” или из которого исходит» [18, с. 221]</p>	<p>«С указанием на тот факт, что при бóльшем “опыте” и более высоком уровне развития формирование новых умственных действий и понятий может идти с пропу­ском ряда показателей шкалы, мы можем согласиться... Но это есть движение по той же шкале... Следова­тельно, при всех этих вариантах шкала сохраняет значение основной схемы процесса» [11, с. 40]. «...На всех этапах производится “отработка” желаемых свойств действия... Эта отработка бывает более или ме­нее длительной — в зависимости от характера прошлого опыта, его содержания, объема и качества. В предельном случае, когда таким опытом практически можно прене­бречь, отработка производится на четырех этапах: мате­риального, или материализованного, действия, в гром­кой социализированной речи, на первом внутреннем этапе — “внешней речи про себя” и, наконец, на заклю­чительном этапе — “действия в скрытой речи”. &lt;...&gt; этот процесс (который обычно называют “интериоризаци­ей”, т.н. переносом действия извне во внутренний план) на самом деле на каждом этапе представляет собой в зна­чительной мере воссоздание действия заново. &lt;...&gt; Но ... это — только в “абсолютно новом действии”, что являет­ся, конечно, таким же предельным понятием, как и “аб­солютно черное тело” в физике» [8, с. 7]</p>
<b>6. Интериоризация и проблема соотношения внешней и внутренней деятельности</b>	
<p>«Основное позитивное содержание положения о един­стве сознания и деятельности заключается в утвержде­нии их взаимосвязи и взаимообусловленности: деятель­ность человека обуславливает формирование его созна­ния, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием их адекватного вы­полнения» [17, с. 251]. «Верно, как выше уже было сказано, что материальная, практическая деятельность первична, что теоретиче­ская, умственная деятельность, выражающаяся только во внутреннем плане, лишь затем выделяется из нее (в этом смысле “интериоризация”, то есть переход от деятельности, осуществляемой во внешнем плане, к деятельности, осуществляемой только во внутреннем плане, имеет место). Но не верно, подставляя на место теоретической или умственной, мыслительной деятель­ности психическую деятельность вообще, утверждать,</p>	<p>«...Вопроса... об отношении между психической и внешней деятельностью... &lt;...&gt; задача, вставшая пе­ред советской психологией, состояла в том, чтобы по­ложительно раскрыть внутреннюю связь между ними. Подчеркивание этой проблемы и настойчивое возвра­щение к ней составляет заслугу С.Л. Рубинштейна. Однако термин “единство”, которым С.Л. Рубинштейн обозначал искомую связь внешней деятельности и со­знания, лишь указывал на ее желаемый характер, но не раскрывал ее содержания. &lt;...&gt; Новую попытку ответить на этот вопрос давала ги­потеза поэтапного формирования умственных дей­ствий» [13, с. 444]. “Поэтапное формирование идеальных, в частности ум­ственных, действий связывает психическую деятель­ность с внешней, предметной, материальной деятель­ностью. Оно является ключом не только к пониманию психических явлений, но и к практическому овладению ими” [13, с. 466].</p>

Продолжение таблицы

С.Л. Рубинштейн	П.Я. Гальперин
<p>что она впервые возникает в результате “интериоризации” этой последней» [17, с. 253].</p> <p>“На самом деле, интериоризация ведет не от материальной внешней деятельности, лишенной внутренних психических компонентов, а от одного способа существования психических процессов — в качестве компонентов внешнего практического действия — к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия” [17, с. 253–254]</p>	<p>«...Конкретное содержание психической деятельности: она оказывается не чем иным, как совокупностью внешних предметных действий, ставших идеальными и, в частности, умственными действиями” [13, с. 465].</p> <p>«...Психика находится не где-то “в сознании”, живет не по особым “внутренним” законам и лишь вторично, изнутри оказывает воздействие на внешнюю деятельность, а наоборот... психика включена в эту внешнюю деятельность и зависит от ее характера и строения...» [12, с. 253].</p> <p>“...Между внешним поведением и психической деятельностью нет абсолютного различия... наоборот, и генетически, и по строению эти два рода внутренне связаны и составляют настоящее единство” [12, с. 258]</p>
<p>7. Деятельность как предмет изучения: критика С.Л. Рубинштейна</p>	<p>7. Деятельность как предмет изучения: критика П.Я. Гальперина</p>
<p>“Характеристика познавательной деятельности как <i>ориентировочной</i> фактически включает в себе обособление ориентировочного компонента познавательной деятельности, связанное с тенденцией отеснить характеристику познавательной деятельности как деятельности аналитико-синтетической” [18, с. 221]</p>	<p>“...Не только всякая психическая деятельность является аналитико-синтетической, но такой является и всякая непсихическая деятельность, все процессы живой и неживой природы. Подобная характеристика не содержит собственно психологической теории и потому ничего не может ни подсказать, ни опровергнуть, не может стать рабочим инструментом психологического исследования. Для плодотворного изучения психики нужно выделить такую единицу психической деятельности, которая была бы специфична по отношению к ее задачам... &lt;...&gt; единицами такой деятельности могут быть только предметные действия...” [8, с. 147].</p> <p>«В 1957 г. С.Л. Рубинштейн... предложил вообще различать деятельность и процессы (“Бытие и процессы”, с. 256–257). Ясней всего это различие было выражено им на примере мышления: “мышление рассматривается как деятельность, когда учитываются мотивы человека”, “мышление выступает в процессуальном плане, когда изучают... те процессы анализа, синтеза, обобщения, посредством которых разрешаются мыслительные задачи” (с. 267). Выражая сложившееся положение вещей, С.Л. Рубинштейн самое понятие деятельности суживает до ее мотивационного аспекта.</p> <p>Подчеркивая необходимость изучать другое, операционное содержание того же объекта, он даже не называет его деятельностью. К сожалению, занятый гораздо более общими вопросами, С.Л. Рубинштейн ограничился указанием на процессы анализа, синтеза, абстракции, обобщения, не объясняя, почему называются только они, не раскрывая их конкретного содержания. &lt;...&gt; Сами процессы определялись только по названию и, следовательно, различались только по назначению: анализ — это процесс, ведущий к разделению того, что в исходном материале не различалось; синтез — это процесс, в результате которого происходит соединение начальных данных в новый продукт; абстракция ведет к отделению всяких черт (свойств, отношений) объекта и превращению их в новый объект умственной деятельности и т.д. Собственно процессуальное содержание этих процессов, — а не только их конечный результат по сравнению с исходными объектами, — оставались без разъяснения» [12, с. 257–258]</p>

Окончание таблицы

С.Л. Рубинштейн	П.Я. Гальперин
8. Представление о действии	
<p>“Не только внутренний, но и так называемый внешний слух есть слух, значит психический и в этом смысле внутренний процесс; не только счет в уме, но и отсчитывание предметов при помощи руки включает в себя психические умственные процессы” [17, с. 254]</p>	<p>“Новое понимается всегда на основе уже сложившихся умственных действий (т.е. сразу в уме), а правильно усваивается новое (если это новое умственное действие) только на основе своей материальной или материализованной формы” [14, с. 61].</p> <p>“...Человеческие действия ни в коем случае не могут рассматриваться только как внешние движения, которые совершаются параллельно с психическим процессом и которые не содержат в себе ничего психического” [16, с. 4]</p>

является наиболее утонченным вариантом теорий, утверждающих внешнюю детерминацию развития человека” [18, с. 221]. П.Я. Гальперин видел вклад исследования процесса интериоризации в решение вопроса о *предмете и методе психологии*. На это расхождение в свое время обратил внимание П.Я. Гальперин, анализируя состояние общей проблемы деятельности в психологии и связанных с нею частных проблем: “Проблемы эти можно разделить (конечно, несколько условно) на две группы: одну составляют проблемы собственно психологические, другую — проблемы философские, методологические. Эти проблемы разделили между собой две школы советских психологов: первая группа проблем решалась главным образом школой А.Н. Леонтьева, вторая — главным образом школой С.Л. Рубинштейна” [12, с. 252–253].

*Четвертое*, логически вытекающее из предыдущего и *самое главное*: научные подходы С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина на первый взгляд противоречат друг другу, и сказанное будет верным, если не иметь в виду тот недостаточно очевидный факт, о котором сказано выше, — различие предмета исследования. Если же принять во внимание разные исследовательские задачи, то станет понятным источник их научных расхождений, что можно проиллюстрировать обращением к первоисточникам.

С.Л. Рубинштейн писал: «Верно... что *материальная, практическая* деятельность первична, что *теоретическая, умственная* деятельность, выражающаяся *только* во внутреннем плане, лишь затем выделяется из нее (в этом смысле “интериоризация”, то есть переход от деятельности, осуществляемой во внешнем плане, к деятельности, осуществляемой только во внутреннем плане, имеет место). Но не верно, подставляя на место теоретической или умственной, мыслительной деятельности психическую деятельность вообще, утверждать, что она впервые возникает в результате “интериоризации” этой последней» [17, с. 253]. П.Я. Гальперин высоко оценил вклад С.Л. Рубинштейна

в разработку имеющей методологическое значение общепсихологической проблемы деятельности: “...вопроса... об отношении между психической и внешней деятельностью. <...> задача, вставшая перед советской психологией, состояла в том, чтобы положительно раскрыть внутреннюю связь между ними. Подчеркивание этой проблемы и настойчивое возвращение к ней составляет заслугу С.Л. Рубинштейна” [13, с. 444]. Однако, по его мнению, «термин “единство”, которым С.Л. Рубинштейн обозначал искомую связь внешней деятельности и сознания, лишь указывал на ее желаемый характер, но не раскрывал ее содержания. <...> Новую попытку ответить на этот вопрос давала гипотеза поэтапного формирования умственных действий» [13, с. 444].

Таким образом, методологический принцип единства сознания и деятельности нуждался в конкретно-психологическом наполнении, на что и были направлены исследовательские интересы П.Я. Гальперина.

Хорошо известно, что основная критика С.Л. Рубинштейна была связана с тем, что он был не согласен с развиваемыми Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериним идеями об интериоризации как механизме образования психической деятельности. Рубинштейн писал: «*Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней исполнительной его части, вовсе изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести “внутренние” психические процессы за пределы “внешней” человеческой деятельности — как это сознательно или бессознательно, эксплицитно или имплицитно делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности. На самом деле, интериоризация ведет не от материальной внешней деятельности, лишенной внутренних пси-*

хических компонентов, а от одного способа существования психических процессов — в качестве компонентов внешнего практического действия — к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия».

Трудно не согласиться со сказанным, имеющим мировоззренческое, методологическое значение. Однако далее нужно ответить на вопрос о том, как образуется новое предметное действие. Теория П.Я. Гальперина — ответ на этот вопрос. С.Л. Рубинштейн пишет: «Не только внутренний, но и так называемый внешний слух есть слух, значит психический и в этом смысле внутренний процесс; не только счет в уме, но и отсчитывание предметов при помощи руки включает в себя психические умственные процессы» [17, с. 254]. Сказанное не противоречит представлениям П.Я. Гальперина, поскольку и восприятие, и счет, как он отмечает, являются идеальными действиями, но в ходе формирования их ориентировочная часть может быть изначально материальной по форме, например, счет на пальцах.

Для П.Я. Гальперина *интериоризация* — условие образования нового действия, *результат* его последовательной отработки на разных этапах усвоения. Эти экспериментально полученные данные — углубление представлений Л.С. Выготского о развитии высших функций и форм поведения, описанных им под названием закона вращивания. Причем необходимо подчеркнуть, что *высказанная П.Я. Гальпериним гипотеза о формировании умственных действий получила экспериментальное подтверждение*.

И еще одно существенное дополнение: в теории П.Я. Гальперина речь идет не обо всем действии, а о его ориентировочной части, которая и выступает предметом психологического изучения. Формируемое действие изначально задано как физическое, перцептивное, речевое или умственное, что определяется по его исполнительной части, но ориентировочная часть *нового (абсолютно нового)* действия проходит путь формирования от материального до умственного. Убедительные доказательства этому мы находим в исследованиях П.Я. Гальперина 60–70-х годов прошлого века, в которых ему удалось показать, каким разным может быть ход интериоризации в зависимости от того, насколько новым является для человека данное действие. Полученные П.Я. Гальпериним данные относительно возможности пропуска этапов формирования действия и далеко не всегда обязательного материального (материализованного) этапа «снимают» критические замечания С.Л. Рубинштейна. При

этом в ходе интериоризации происходит изменение действия по целому ряду параметров, и форма — не единственный среди них, но наглядный, внешне осязаемый, а потому положенный в основание этапов интериоризации.

Однако остается открытым вопрос, носят ли открытые П.Я. Гальпериним закономерности формирования умственного действия (точнее говоря, ориентировочной части любого действия, которая в конечном итоге приобретает умственную форму) универсальный характер. П.Я. Гальперин предостерегал от «догматического понимания и применения шкалы» [11, с. 36] и в качестве перспективной задачи ставил «экспериментальное формирование основных видов психической деятельности» [11, с. 44]. Эта задача до сих пор не потеряла своей актуальности, а потому есть все основания говорить о незавершенности исследований П.Я. Гальперина и, как следствие, о сохранении вопросом интериоризации статуса дискуссионного.

Таким образом, становится понятным, почему научные выводы С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина не только не совпадают, но, более того, носят противоположный характер.

*Пятое.* До сих пор остается открытым вопрос о причинах, по которым П.Я. Гальперин никак не реагировал на критику С.Л. Рубинштейна ни при его жизни, ни после. Если отбросить доводы этического характера, то можно предположить, что П.Я. Гальперин испытывал острую потребность в дополнительных эмпирических фактах, касающихся вопроса интериоризации.

## ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ

Подводя итоги, следует добавить, что предпринятый анализ носит историко-психологический характер, однако полученные данные выходят за узкие исторические рамки, поскольку проливают свет на проблему интериоризации, представления о которой к настоящему времени напоминают мозаичное панно с большим числом недостающих деталей. И сказанные более полувека слова П.Я. Гальперина о том, что «радикальное значение понятия об интериоризации, объективно в нем заложенное, оставалось потенциальным» [4, с. 26], не потеряло своей актуальности.

В заключение нужно заметить, что проблема интериоризации, как и полвека назад, продолжает оставаться дискуссионной, вызывающей все новые

и новые вопросы, а потому требующей экспериментального изучения.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
2. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
3. Гальперин П.Я. Выступление в прениях на совещании по вопросам перестройки психологической науки в июле 1952 года // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 93–99.
4. Гальперин П.Я. К учению об интериоризации // Вопр. психол. 1966. № 6. С. 25–32.
5. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом “Университет”: Высшая школа, 2002.
6. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
7. Гальперин П.Я. Научный архив.
8. Гальперин П.Я. Несколько разъяснений к гипотезе умственных действий // Вопр. психол. 1960. № 4. С. 141–148.
9. Гальперин П.Я. О формировании умственных действий и понятий // Тезисы докладов философского факультета к юбилейной сессии, посвященной 200-летию университета, 9–13 мая 1955 г. М., 1955. С. 29–30.
10. Гальперин П.Я. Опыт изучения формирования умственных действий // Доклады на совещании по вопросам психологии. 3–8 июля 1953 г. М., 1954. С. 188–201.
11. Гальперин П.Я. Основные результаты исследований по проблеме “формирование умственных действий и понятий”. Доклад, обобщающий исследования П.Я. Гальперина, представленный на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) по совокупности работ, представленных на тему этого доклада. М., 1965.
12. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука / Под ред. А.И. Подольского. М.: Изд-во “Институт практической психологии”; Воронеж: НПО “МОД-ЭК”, 1998.
13. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 441–469.
14. Гальперин П.Я. Умственное действие как основа формирования мысли и образа // Вопр. психол. 1957. № 6. С. 58–69.
15. Зинченко В.П. П.Я. Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Вопр. психол. 2002. № 5. С. 120–134.
16. Пантина Н.С. Зависимость формирования действия от типа ориентировки в задании (на материале письма букв). Автореф. дисс. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1958.
17. Рубинштейн С.Л. Проблема сознания и деятельности в истории советской психологии // С.Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АПН СССР, 1959. С. 249–255.
18. Рубинштейн С.Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-е изд. / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976. С. 219–234.
19. Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.

## S.L. RUBINSTEIN AND P.YA. GAL'PERIN: COMPARISON OF PERSPECTIVES ON INTERIORIZATION<sup>5</sup>

M. A. Stepanova

*M.V. Lomonosov MSU, 119991, Moscow, Leninskie gory, b. 1, Russia.  
PhD (psychology), associated professor, department of psychology.  
E-mail: marina.stepanova@list.ru*

Received 27.08.2017

*Abstract.* Historical-and-psychological analysis of views of leading Soviet psychologists — P.Ya. Gal'perin (1902–1988) and S.L. Rubinstein (1889–1960) on interiorization is presented. Scientific and biographical facts of scientists' activity become the starting points for the study. The history of development of P.Ya. Gal'perin's scientific views towards creation of theory of gradual development of mental acts and notions is shown, critical assessment of understanding of interiorization by P.Ya. Gal'perin from S.L. Rubinstein's point of view is

<sup>5</sup>The article is dedicated to 130-th anniversary of S.L. Rubinstein.

presented. Texts of scientists' publications including articles in domestic scientific periodicals, reports and speeches on scientific conferences and sessions, monographs, records from scientific archive are the material for historical-and-psychological analysis. The main method of the study is addressing to primary sources with the following comparison of scientists' remarks on interiorization problem. As the result of the study it has been established that P.Ya. Gal'perin and S.L. Rubinstein approach the problem of interiorization from different perspectives: S.L. Rubinstein — from methodological while P.Ya. Gal'perin — from specific-psychological one. The conclusion that although P.Ya. Gal'perin's empirical study of interiorization confirmed the correctness of his hypothesis the question of universal character of defined regularities remains open. Thus the problem of interiorization continues to be discussable.

*Keywords:* interiorization, conception of S.L. Rubinstein, theory of P.Ya. Gal'perin, history of psychology, problem of activity in psychology, relation between internal and external activity, principle of unity of consciousness and activity.

## REFERENCES

1. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. Sost. i obshch. ed. B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. St. Petersburg: Prajm-Evroznak, 2003. (In Russian)
2. Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psihologiyu. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. (In Russian)
3. Gal'perin P.Ya. Vystuplenie v preniyah na soveshchaniy po voprosam perestrojki psihologicheskoy nauki v iyule 1952 goda. Izvestiya APN RSFSR. 1953. Vyp. 45. P. 93–99. (In Russian)
4. Gal'perin P.Ya. K ucheniyu ob interiorizacii. Vopr. psihol. 1966. № 6. P. 25–32. (In Russian)
5. Gal'perin P.Ya. Lekcii po psihologii. Moscow: Knizhnyj dom "Universitet": Vysshaya shkola, 2002. (In Russian)
6. Gal'perin P.Ya. Metody obucheniya i umstvennoe razvitie rebenka. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1985. (In Russian)
7. Gal'perin P.Ya. Nauchnyj arhiv. (In Russian)
8. Gal'perin P.Ya. Neskol'ko raz"yasnenij k gipoteze umstvennyh dejstvij. Vopr. psihol. 1960. № 4. P. 141–148. (In Russian)
9. Gal'perin P.Ya. O formirovanii umstvennyh dejstvij i ponyatij. Tezisy dokladov filosofskogo fakul'teta k yubilejnoj sessii, posvyashchennoj 200-letiyu universiteta 9–13 maya 1955 goda. Moscow, 1955. P. 29–30. (In Russian)
10. Gal'perin P.Ya. Opyt izucheniya formirovaniya umstvennyh dejstvij. Doklady na soveshchaniy po voprosam psihologii. 3–8 iyulya 1953 goda. Moscow, 1954. P. 188–201. (In Russian)
11. Gal'perin P.Ya. Osnovnye rezul'taty issledovanij po probleme "formirovanie umstvennyh dejstvij i ponyatij". Doklad, obobshchayushchij issledovaniya P.Ya. Gal'perina, predstavlenyj na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskikh nauk (po psihologii) po sovokupnosti rabot, predstavlennyh na temu ehtogo doklada. Moscow, 1965. (In Russian)
12. Gal'perin P.Ya. Psihologiya kak ob"ektivnaya nauka. Ed. A.I. Podol'skij. Moscow: Izd-vo "Institut prakticheskoy psihologii"; Voronezh: NPO "MODEHK", 1998. (In Russian)
13. Gal'perin P.Ya. Razvitie issledovanij po formirovaniyu umstvennyh dejstvij. Psihologicheskaya nauka v SSSR. V. 1. Moscow: Izd-vo APN RSFSR, 1959. P. 441–469. (In Russian)
14. Gal'perin P.Ya. Umstvennoe dejstvie kak osnova formirovaniya mysli i obraza. Vopr. psihol. 1957. № 6. P. 58–69. (In Russian)
15. Zinchenko V.P. P.Ya. Gal'perin: ot dejstviya s zadannymi svoystvami k svobodnoj mysli. Vopr. psihol. 2002. № 5. P. 120–134. (In Russian)
16. Pantina N.S. Zavisimost' formirovaniya dejstviya ot tipa orientirovki v zadanii (na materiale pis'ma bukv). Avtoreferat diss. ... kand. ped.nauk (po psihologii). Moscow, 1958. (In Russian)
17. Rubinshtejn S.L. Problema soznaniya i deyatelnosti v istorii sovetskoj psihologii. S.L. Rubinshtejn. Principy i puti razvitiya psihologii. Moscow: Izd-vo APN SSSR, 1959. P. 249–255. (In Russian)
18. Rubinshtejn S.L. Problema sposobnostej i voprosy psihologicheskoy teorii. Rubinshtejn S.L. Problemy obshchej psihologii. 2-e izd. Otv. red. E.V. Shorohova. Moscow: Pedagogika, 1976. P. 219–234. (In Russian)
19. Smirnov A.A. Razvitie i sovremennoe sostoyanie psihologicheskoy nauki v SSSR. Moscow: Pedagogika, 1975. (In Russian)